

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР АЗИИ И АФРИКИ

УДК 304.444

А. Ю. Коровкина

МЕСТО И РОЛЬ МАГИИ В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ ТУНИСА ДО 20-х ГОДОВ XX ВЕКА

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9

Статья посвящена рассмотрению вопроса, какое место занимала магия в тунисском обществе и насколько велика была ее роль в формировании народной культуры Туниса до начала в стране масштабных преобразований по европейскому образцу. В ходе исследования автор приходит к заключению, что магическое мышление целиком определяло жизнь тунисского общества и вектор его развития на протяжении многих столетий. Его влияние выходило далеко за рамки бытовой жизни. Оно распространялось в том числе и на социальную, экономическую и политическую сферы. Народная культура Туниса в современной арабистике затрагивается мало, поэтому данная работа представляется особенно актуальной. При написании статьи использовались научная литература последних лет на русском, европейских и арабском языках, а также видеоматериалы на тунисском диалекте. Библиогр. 15 назв.

Ключевые слова: арабистика, Ближний Восток, Северная Африка, Тунис, культура, история, магия, традиция.

THE PLACE AND ROLE OF MAGIC IN FOLK CULTURE IN TUNISIA UP TO THE EARLY 1920s

A. Yu. Korovkina

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The paper is dedicated to the question of what magic's place was in Tunisian society, and what its role was in forming Tunisian folk culture before the implementation of the grand European reforms in the country. At the end of the research the author concludes that magical thinking determines the whole life of Tunisian society and the vector of its development for many centuries. Its influence was far beyond the sphere of daily routine. It expanded to social, economic and political field. Unfortunately, there are very few studies about popular culture in the modern Tunisia, which is why this work is particularly relevant in this sphere. The scientific literature of the recent years, in the Russian, European and Arabic languages, as well as videos in Tunisian Arabic, was used in the process of writing this article. Refs 15.

Keywords: Arabic Studies, the Middle East, North Africa, Tunisia, culture, history, magic, tradition.

Магия пронизывает буквально все сферы жизни обыкновенного тунидца, поэтому для всего Магриба в целом, и Тунис не исключение, эта тема крайне актуальна. Магическая традиция в настоящее время продолжает оставаться очень богатой, насыщенной, а что самое главное, популярной. В этой связи интересно задаться вопросом, какое место занимала магия в туниском обществе до начала масштабных преобразований по европейскому образцу. Условно этот момент можно определить 20-ми годами XX в., когда западный образ жизни начинает находить отклик в сердцах тунищцев и народная культура становится на новый путь развития.

Еще Ж.-А. Жюльен в своей монографии указывал на то, что задолго до прихода арабов «помимо древних магических церемоний берберы, очевидно, совершали жертвоприношения, гадали на могилах и прибегали к пророчеству женщин» [1, с. 81].

Даже имя главной берберской воительницы, отчаянно противостоявшей натиску арабов, последние связали с колдовством, прозвав ее аль-Кахина, «колдунья». В арабском мире первыми магами и чародеями всегда называли именно магрибинцев. Более того, в фольклоре всего ближневосточного и средиземноморского региона (например, в Испании) часто в качестве трикстера выступает магрибинец-чернокнижник.

Почему именно эта фигура наделяется такими функциями, объясняют два фактора: во-первых, отдаленность и изолированность региона от остального более «цивилизованного» мира, во-вторых, его богатое анимистическое прошлое, давшее обильную почву для повсеместного распространения и развития магических ритуалов, и слава «перекрестка культур». Интересно то, что с магией человеку здесь приходится сталкиваться буквально всюду, и при этом вовсе не обязательно обращаться к специалисту. В Тунисе эта сторона жизни, возможно, не так известна, как, скажем, в Марокко, где она приобрела невероятные масштабы и по-прежнему играет большую роль в повседневной жизни. Даже обыкновенные люди, не имеющие отношения к оккультным практикам, регулярно прибегают к бытовой магии, дабы защититься от дурного влияния, преуспеть в каком-либо деле или осуществить задуманное. Таким образом, современные реалии указывают на силу магического мышления, которое, как можно предположить, лежало в основе формирования народной культуры доколониального Туниса.

Повсеместно в Магрибе можно было увидеть различные талисманы и амулеты, которые обещали защитить своего владельца от всяческих напастей, будь то козни злых духов-джиннов, черная магия, дикие звери или же какие-то природные катаклизмы. Происхождение же этих оберегов зачастую указывает на богатое религиозное прошлое региона.

Синкретизм духовной культуры Магриба отражен и в форме, и в содержании амулетов, в которых можно увидеть следы Торы, Евангелия и, конечно, Корана [2, с. 220].

Сами талисманы чаще всего представляли собой украшения. Их форма и изображенный на них рисунок меняются в зависимости от той страны Магриба, где они были изготовлены. Причем стоит заметить, что амулеты могли в большей или меньшей степени отличаться друг от друга даже в пределах одной страны, поскольку в каждом отдельном регионе наряду с общемусульманской существует своя особая традиция. Но чаще всего, безусловно, и в настоящее время можно встретить

такие талисманы, как ладонь Фатимы и рыба. Как отмечает Т. П. Каптерева, обереги «заклучают в себе апотропеические и символические знаки древнего доисламского происхождения» [3, с. 121].

Изображение рыбы (или, вернее, рыб) — символ христианства, существующий в Тунисе ещё с первых веков нашей эры. Некоторые берберские племена задолго до прихода сюда ислама приняли христианство, и именно они использовали этот знак для сакральной защиты своих домов и обозначения принадлежности их обитателей к этой религии. Интересно, что крест как символ христианства не получил широкого распространения в Тунисе и встречается лишь на древних византийских мозаиках. Несмотря на принадлежность к исламу, потомки берберов сохранили множество исконных элементов культа, не только христианских, но и языческих. До сих пор сохранились представления о том, что знак рыбы и ладонь Фатимы защищают жилища, даруют хороший урожай и обеспечивают богатый приплод скота. В большей степени эти символы распространены среди населения южных районов Туниса, но даже на европеизированном побережье многие кладут перед входом в дом керамическую плитку с изображением рыбы, а на дверном косяке размещают плиточное панно с ладонью. Также «упоминание рыбы разрушает силу “дурного глаза”» [4, с. 100].

Как правило, на талисманах начертана некая магическая формула — заклинание. В качестве такого, конечно же, чаще всего служат строчки из Корана, хотя порой тут можно встретить и молитву, обращенную к христианскому святому, — пример, который лишний раз подчеркивает религиозный синкретизм стран Магриба. Также кроме этого или даже вместо на талисманах изображаются определенные знаки. Чаще всего в наши дни для изготовления талисмана используют бумагу, хотя в прошлом более популярным материалом был, например, камень. Если его выбросить в море, то его магическое воздействие будет длиться вечно. Сила и эффективность талисмана определяются предметами, использовавшимися для его изготовления. Чем сложнее уничтожить сам талисман или стереть надписи на нем, тем могущественнее он считается [5, р. 295]. Как отмечает Э. Дуттэ, проводивший свои исследования в конце XIX — начале XX в., можно встретить таинственные знаки, играющие роль заклинания-оберега, на коже газели, пластинках меди, олова и др. Этот амулет зашивают в кожаный мешочек, а затем носят на шее в виде украшения. Так, даже на кожу человека наносятся письмена, призванные защитить его от чьего-либо дурного влияния. В конце концов именно эта традиция и легла в основу татуировки — перманентного оберега, никогда не покидающего своего владельца [6, р. 149]. Каждый амулет очень специфичен и защищает человека лишь от одной конкретной напасти, поэтому нет ничего удивительного в том, что иногда люди надевали на себя огромное множество талисманов.

Рисунки, наносимые на тело, будь то долговечные татуировки или лишь временная роспись хной, всегда имели сакральное значение. Тот факт, что они не утратили своих позиций по сей день, свидетельствует об обязательном характере их применения в обрядовых практиках. Еще Лев Африканский, описывая берберских бедуинов, рассказывает о женском обычае периодически наносить особые изображения специальной краской себе на лицо.

Женщины, пока они не перешли к мужу, имеют обычай раскрашивать себе лицо, грудь и руки с кистями и пальцами, так как считают это очень изысканным. Вот этот-

то обычай и был воспринят африканскими арабами в то время, когда они пришли жить в эту страну, а раньше их у него не было. Однако среди горожан и знатных людей Берберии такого обычая нет. Напротив, их женщины стараются сохранить ту самую белизну, с которой они родились. Правда, иногда они употребляют какие-то краски, изготовленные из копти чернильного ореха и шафрана. Этим составом они красят себе половину щек, рисуя там круг, напоминающий скудо. Между бровей они рисуют фигуру в виде треугольника, а на подбородке — нечто мне неизвестное, напоминающее оливковый лист. Некоторые же красят себе все брови. Они считают эту моду изящной и изысканной, так как ее восхваляют арабские поэты и знатные люди. Однако они ходят так раскрашенными не более двух или трех дней. Все это время они не могут показываться перед своими родственниками, за исключением мужа и детей, ибо они делают это для того, чтобы возбуждать страсть, считая, что таким образом особенно увеличивают свою красоту [7, с. 37].

Гадания самыми различными способами всегда пользовались спросом у местного населения. Этим обычно занимались профессионалы своего дела. Например, *даггеза*, колдунья-предсказательница, в чей арсенал входит довольно много методов. Она и «читает» линии рук, как египетская *бассара* или марокканская *шаввафа*, и гадает на четках, костях животных, камнях. В настоящее время некоторые особо набожные тунисцы, которые стремятся исповедовать «чистый» ислам и осуждают культ местных *вали*, также с большой осторожностью в связи с этими практиками относятся к четкам и не используют их при отправлении религиозных обрядов, пользуясь пальцами для подсчета числа прочитанных молитв. Свое решение они объясняют тем, что четки придуманы «шайтаном» и часто используются колдунами, а «Пророк завещал считать [молитвы] пальцами руки»¹. Однако такого рода опасения не тяготили большинство тунисцев еще столетие назад. О практике использования четок в гадальных ритуалах сообщает еще в начале XX в. американский христианский миссионер С. М. Цвимер в своей книге, посвященной анимистическим пережиткам в исламе.

В Тунисе гадалка ниткой отмечает место на четках и начинает отсчет бусинок, произнося определенные слова, иногда имена отца и матери больного. Ответ на вопрос определяется по числу оставшихся бусинок по окончании прочтения наговора; если до нитки остается три бусинки, то это болезнь; если две, то здоровье [8, р. 15].

Из более старых источников, каким предстает труд Льва Африканского, известно, что в Магрибе существовали «муаззимин» (определяют будущее с помощью искусства геомантии, рисуя фигуры), предсказатели, гадающие на миске, наполненной водой, куда добавляют одну каплю оливкового масла, женщины, поддерживающие дружбу с демонами [7, с. 156]. Если вторых и третьих знаменитый путешественник обвиняет в шарлатанстве, то предсказаниям первых явно доверяет. Он рассказывает всего о трех настоящих знатоках своего дела, с которыми встречался лично. Один из них жил в Тунисе. Сам Лев Африканский отказался выучиться этому искусству, поскольку «оно запрещено законом Мухаммеда почти как ересь, а его писание гласит, что всякое предсказание тщетно и что один лишь Аллах знает тайны и будущее» [7, с. 158].

Гадания на протяжении всей истории существования культа *вали* оставались неотъемлемой частью паломничества к гробнице местного *марабута*. *Барака* («благословение, жизненная сила») сакрального места, по представлениям тунис-

¹ Полевые материалы. Тунис, г. Тунис. Ж. М., муж., 25 лет, август 2010 г.

цев, должна была наилучшим образом повлиять на правдивость предсказания. Зачастую хранители *завий*, которые ухаживали за ними и выполняли определенные обряды, оказывая почтение памяти *вали*, принимали непосредственное участие в магических практиках, в том числе и предсказывали паломникам их будущее. Примеры тому можно найти у Р. Янковского в его книге, посвященной феномену *стамбели*, сохранившему эти элементы магических практик до наших дней.

Паломничество к гробнице *вали*, самый масштабный и символически самый значимый совместный ритуал, связанный с почитанием *вали* в Тунисе, дает участвующим в нем возможность почувствовать появление *вали* и духов из пантеона *стамбели*, вступить с ними в контакт и услышать их предсказания. Все это происходит благодаря музыке и трансу, и именно в ходе проведения ежегодной *зияры* выходят на первый план и открыто демонстрируются всем окружающим исторические геокультурные связи [9, p. 158].

В рамках этой деятельности очень кстати оказались навыки чернокожих выходцев из Тропической Африки. Их анимистические верования, которые претерпели мало изменений даже после принятия мусульманства, и ритуальные практики внесли новую струю в «народный ислам» Туниса. Так, культ *вали* стал тем объединяющим фактором, который смог примирить две противоположные позиции — политеизма и монотеизма.

Ежегодная *зияра* — это то, что объединяет ритуалы *стамбели* с широко распространенными и хорошо знакомыми тунисскому обществу обрядами. Это путешествие в священный мир сразу же сближает *зияру стамбели* с общепринятыми религиозными практиками культа *вали* в Тунисе [9, p. 158].

Надо сказать, что вообще вера в магическую силу чернокожих была так велика в Магрибе и Европе, что стала, как считают некоторые исследователи, причиной возникновения самого термина «черный» — «черная магия», «чернокнижие». Тримерн отмечает, что то же представление было широко распространено и в Европе, где слово «некромантия» превратилось в «негромантию», или «черную магию» [10, p. 453].

Многие тунисцы приписывают чернокожим африканцам таинственную и могущественную способность управлять миром духов и защищать от бед. В 1914 г. А. Дж. Н. Тримерн писал о том, что «в определенных случаях присутствие молодой негрятки было необходимым для проведения обряда даже коллуном-арабом». Раньше служанки-негрятки, которых называли *дада*, традиционно заботились о детях господ, присутствовали во время обряда обрезания, дабы придать мальчикам смелости, и даже кормили грудью новорожденных арабов-тунисцев мужского пола, чтобы они выросли, как говорил Баба Мажид, «сильными и храбрыми». Для привлечения удачи желательно было присутствие чернокожих женщин во время проведения свадебных церемоний и при деторождении. Когда это не представлялось возможным, достаточно было и просто картины или женщины, хотя бы похожей на жительницу Тропической Африки [8, p. 18].

Как утверждал М. Г. Завадовский, «в начале XX века в Тунисе темный оттенок кожи негров также считался вполне надежным амулетом, отпугивающим джиннов [духов] в народной магии магрибинцев. Считается, что присутствие негра на семейной встрече сулит делу успех, а в тунисском Сахеле есть обычай приглашать негра на свадебную церемонию, чтобы “заставить сглаз улететь” (*iteuyer el-'in*), как образно выражаются арабы. Тунисцы верят: их сила противостоять джиннам настолько велика, что достаточно повесить изображение негра, выполненное из кар-

тона, дерева, бронзы или камня, на видное место, на стене, например, чтобы достичь того же эффекта» [11, p. 151].

Восприятие «иностранного» неотделимо от мистической силы приносить удачу или беду. Любой отход от того, что в обществе принято считать нормой, вызывает у его членов всегда двойственное отношение: с одной стороны, это страх, недоверие и даже ужас, с другой стороны, почтение, уважение, что зачастую ведет к сакрализации. Точно и детально объясняет этот механизм действия В. В. Бочаров в своей монографии «Неписанный закон: антропология права» на примере табу.

Антропологи, наблюдавшие в полевых условиях проявления чувств, вызываемых у акторов вследствие сознательного или бессознательного нарушения ими того или иного табу, характеризовали их не просто «ужасом», а «священным ужасом» или «Священным трепетом» [12, с. 170].

При этом В. В. Бочаров также указывает на то, что представители элитарных слоев традиционного общества вынуждены зачастую нарушать самые строгие табу, демонстрируя свою исключительность, избранность и благосклонное отношение к ним высшей, божественной силы, которая страшно покарала бы любого другого «обыкновенного» человека. Таким образом, подкрепляется убежденность общества в их особом «могуществе» сверхъестественного происхождения [13, с. 172–224].

Кроме того, сами маги в не меньшей степени были убеждены в собственной исключительности, а значит, и магической силе, которая позволяла им управлять волей других людей, так почему же и не другими событиями, не подвластными обыкновенным смертным? Этим во многом объяснялось их огромное влияние, которое простиралось далеко за пределы бытовой жизни тунисцев.

Вероятнее всего, колдун — это человек, обладающий более сильным характером, чем его соплеменники, как это часто бывает в определенных семьях, вера колдуна в самого себя и вера других людей в его силу способствуют тому, что он становится более независимым человеком с твердой волей [14, p. 112–113].

С этим же антропологическим феноменом связана и вера в сакральную силу разного рода девиантных личностей, особенно среди необразованной части населения.

Все уроженцы Туниса разделяют глупый предрассудок считать святым каждого безумца, который бросает камни. Когда я был в Тунисе, король приказал построить очень красивый монастырь для одного из этих безумцев по имени Сиди ад-Да'и, который ходил по улицам одетый в мешок, с непокрытой головой и голыми ногами, бросал камни и кричал как безумный. Король назначил также большой доход для него и всех его родственников [7, с. 261].

Архаичные пласты мышления, доминирующие в традиционном обществе, служат также основой для магической идеологии. Как отмечал Л. С. Выготский, «магия принимает власть над мыслями за власть над вещами: естественные законы замещаются психологическими, то, что сблизается в мысли, сблизается для примитивного человека и в действительности» [15, с. 116]. То же исходя из собственных наблюдений утверждал и антрополог-путешественник Дж. У. Гилмор, заявляя, что первобытные люди рассматривали все вокруг как продолжение самих себя и были

уверены в том, что и неодушевленные предметы, и живые существа наделены теми же качествами, которые свойственны им самим [14, p. 59–95].

Из этого представления появляется и убежденность в том, что все дурное в жизнь человека приносят могущественные силы, противостоящие ему. История человечества не раз демонстрировала не только успехи, но и неудачи жизнедеятельности *homo sapiens* и его попыток противостоять природе, поэтому нет ничего удивительного в представлениях о враждебных человеку сверхъестественных силах и многообразии магических методов борьбы с ними.

Безусловно, жизненная философия народа Новой Гвинеи утверждает, что ничто не происходит с человеком без причины. Никто не умирает естественной смертью. Все страдания и болезни приносят злые духи, которыми кишит этот мир. И как и его белый собрат, житель Новой Гвинеи принимает все хорошее в жизни как должное и старается найти причину лишь своим неудачам. В его философии нет места для добрых духов. Все хорошее — это не что иное, как нормальное состояние, которое могут испортить злые духи. Обычно они работают в паре с другим злодеем в человеческом облики [14, p. 112].

В силу превалирования подобных представлений в традиционном обществе необходимость в бытовой магии оставалась неизменной.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что магическое мышление целиком определяло жизнь тунисского общества и вектор его развития на протяжении многих столетий. Магия не просто пронизывала все существование рядового тунисца, она лежала в основе его картины мира. Тунисец воспринимал не только всех и все, что его окружало, как потенциально магическую сущность, во власти которой повлиять на его жизнь (обычно разрушительно), он так же воспринимал и себя самого. Он находился внутри этой системы, не противопоставляя себя ей, а являясь ее неотъемлемой частью. На практике это означало убежденность человека в своей возможности магическим путем влиять как на свое окружение, так и на самого себя. Любое действие прежде всего рассматривалось через призму его магической составляющей и возможных последствий, в результате чего колдуны и *вали*, самые авторитетные лица в этой области, распространяли свое влияние на политическую, экономическую и социальную сферу тунисского общества. Такой предстает картина, сложившаяся в народной культуре Туниса к 20-м годам XX в. Изменилась ли структура магического восприятия тунисцами окружающего мира под напором процессов модернизации — вопрос для нового исследования.

Литература

1. Жюльен Ш.-А. История Северной Африки. Алжир. Тунис. Марокко. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. Т. I. 428 с.
2. Дьяков Н. Н. Мусульманский Магриб. Шерифы, тарикаты, марабуты в истории Северной Африки (Средние века, новое время). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 344 с.
3. Кантерева Т. П. Искусство стран Магриба: средние века, новое время. М.: Искусство, 1988. 360 с.
4. Завадовский Ю. Н. Тунисский диалект арабского языка. М.: Наука, 1979. 108 с.
5. Rodionov M. A *şarf* talisman from Ghayl Bā Wazīr, Hadramawt // Proceedings of the Seminar for Arabian Studies. Vol. 40. Oxford: Archeopress, 2010. P. 293–301.
6. Douттé E. Magie et religion dans l'Afrique du Nord. Alger, 1909. 617 p.
7. Лев Африканский. Африка — третья часть света / пер. с итал., комм. и ст. В. В. Матвеева. Л., 1983. 512 с.

8. Zwemer S. M. *The Influence of Animism on Islam. An Account of Popular Superstitions*. F. R. G. S. 1920. 246 p.
9. Jankowsky R. C. *Stambeli: music, trance, and alterity in Tunisia*. Chicago: The University of Chicago Press, 2010. 256 p.
10. Tremearne A. J. N. *The Ban of the Bori*. Fleet Lane; London, E. C.: Heath, Cranton & Ouseley LTD, 1914. 504 p.
11. Zawadowski G. Le rôle des Nègres parmi la population tunisienne // *En Terre d'Islam*. 1942. No. 19. P. 146–152.
12. Бочаров В. В. *Неписанный закон: антропология права*. СПб.: Изд-во АИК, 2013. 328 с.
13. Бочаров В. В. *Истоки власти // Антропология власти: хрестоматия по политической антропологии*. СПб.: СПбГУ, 2006. Т. 1. 491 с.
14. Gilmore G. W. *Animism or Thought currents of primitive peoples*. Boston: Marshal Jones Company, 1919. 269 p.
15. Выготский Л. С., Лурия А. Р. *Этюды по истории поведения*. М.: Гос. изд-во, 1930. 224 с.

References

1. Zhiul'en Sh.-A. *Istoriia Severnoi Afriki. Alzhir. Tunis. Marokko* [*The History of North Africa. Algeria. Tunisia. Morocco*], Moscow, Izd-vo inostr. lit. Publ., 1961, vol. I. 428 pp. (In Russian)
2. D'iakov N. N. *Musul'manskii Magrib. Sherify, tarikaty, marabuty v istorii Severnoi Afriki (Srednie veka, novoe vremia)* [*The Muslim Maghreb. The Sherifs, Tariqats, Marabouts in the History of North Africa. (The Middle Ages, Modern History)*]. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Press, 2008. 344 pp. (In Russian)
3. Kaptereva T. P. *Iskusstvo stran Magriba: srednie veka, novoe vremia* [*The Art of the Maghreb Countries: the Middle Ages, Modern History*]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1988. 360 pp. (In Russian)
4. Zavadovskii Iu. N. *Tunisskii dialekt arabskogo iazyka* [*Tunisian Arabic*]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 108 pp. (In Russian)
5. Rodionov M. A şarf talisman from Ghayl Bâ Wazîr, Hadramawt. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies*, vol. 40. Oxford, Archeopress, 2010, pp. 293–301.
6. Douттé E. *Magie et religion dans l'Afrique du Nord*. Alger, 1909. 617 p.
7. Lev Afrikanskii. *Afrika — tret'ia chast' sveta* [Leo Africanus. *Africa is the Third Part of the World*]. Transl. from Italian, commented and provided with the article by V. V. Matveev. Leningrad, 1983. 512 pp. (In Russian)
8. Zwemer S. M. *The Influence of Animism on Islam. An Account of Popular Superstitions*. F. R. G. S. 1920. 246 p.
9. Jankowsky R. C. *Stambeli: music, trance, and alterity in Tunisia*. Chicago, The University of Chicago Press, 2010. 256 p.
10. Tremearne A. J. N. *The Ban of the Bori*. Fleet Lane; London, E. C., Heath, Cranton & Ouseley LTD, 1914. 504 p.
11. Zawadowski G. Le rôle des Nègres parmi la population tunisienne. *En Terre d'Islam*, 1942, no. 19, pp. 146–152.
12. Bocharov V. V. *Nepisannyi zakon: antropologiya prava* [*Common law*]. St. Petersburg, Izd-vo AIK Publ., 2013. 328 pp. (In Russian)
13. Bocharov V. V. *Istoki vlasti* [Power sources]. *Antropologiya vlasti: khrestomatiia po politicheskoi antropologii* [*Anthropology of power: a reading-book on political anthropology*]. St. Petersburg, SPbGU, 2006, vol. 1. 491 pp. (In Russian)
14. Gilmore G. W. *Animism or Thought currents of primitive peoples*. Boston: Marshal Jones Company, 1919. 269 p.
15. Vygot'skii L. S., Luriiia A. R. *Etiudy po istorii povedeniia* [*The Studies of the History of Behavior*]. Moscow, Gos. izd-vo Publ., 1930. 224 pp. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 14 октября 2015 г.

Контактная информация

Коровкина Анна Юрьевна — аспирант; annie90@list.ru

Korovkina Anna Yu. — post graduate student; annie90@list.ru